

Экспозиция

Учреждение культуры после ремонта не узнать: солидный холл, белоснежная лепнина, в которую одели даже огромное зеркало на стене первого этажа. Остальные стены заполнены фотографиями с потрясающими видами природы. Их около сотни, а их автор человек в Магнитогорске известный – бывший вице-президент управляющей компании ММК по персоналу и социальным программам Александр Мастрюев, отдавший работе на комбинате 41 год. При нём строились горнолыжные центры комбината, модернизировались санатории на территории города и за его пределами, при нём огромная социальная сфера комбината обрела юридическую самостоятельность. Восемь лет на пенсии посвящены путешествиям – Александр Леонидович признаётся, что по восемь-десять раз в год уезжает из дома. Даже выставку так и назвал: «Старость меня дома не застанет». Познакомиться с работами фотографа пришёл председатель городского Собрания депутатов Александр Морозов.

– В девятых, когда комбинат ещё «ломало» от резкого наступления рыночных отношений, руководителям практически перестали давать отпуск, – смеётся Александр Мастрюев. – Да и потом: отпустят на недельку – а телефон всегда наготове: если что – вылетаешь домой ближайшим рейсом. А сколько раз бывало: купишь путёвку, соберёшь чемодан, а вечером звонок с комбината – семья улетает, а ты едешь на работу. Так что выражение: отпуск как награда – для нас имеет самое прямое значение.

И всё же не скрывает: уйдя на заслуженный отдых, два года не спал – скучал по комбинату. А потом поехал путешествовать. Смеётся: за восемь лет на пенсии увидел больше, чем за все годы работы, которая во многом была связана с ознакомительными командировками.

Как минимум две поездки в год посвящены внукам – у Мастрюева их семеро, дед группами вывозит их на машине к морю. Именно на машине – в дороге и с детьми наговорится, да и нравится им ездить по стране, любоваться ею и удивляться ей. Реже ездит на отдых с женой – потому что, как всем женщинам, ей нравится размеренный комфортный досуг в санаториях Эссентуков, за границей. Самого же Александра Леонидовича манит брутальный мужской отдых – с компанией друзей или с детьми, такими же страстными путешественниками: они едут в Сибирь, на север, в тайгу – туда, где трудно.

В путешествиях утолял и вторую свою страсть – фото, которым заразился давно, а серьёзно заняться решил, пройдя обучение в фототехнике – аппарат когда-то Мастрюеву подарили на день рождения дети. Выставка, открытая в Доме дружбы народов, – всего лишь малая часть того, что увидел Александр Леонидович. Но даже эта экспозиция даёт понять, насколько наша страна огромна, разнообразна, красива, непредсказуема.

На фото вполне мирный зимний пейзаж: снег, небольшой утёс, на котором заметны несколько портретов – и от подписи на фото становится не по себе: перевал Дятлова – тот самый.

– Ехали туда на квадроциклах, на

До самых до окраин

Открылась очередная фотовыставка (6+) Александра Мастрюева – на этот раз в Доме дружбы народов

Александр Мастрюев

© Евгений Румяглов

На причале

Башкирия

Онежское озеро

пути встретили нескольких манси, для которых эти места святы, ходить здесь без разрешения духов нельзя, – рассказывает Александр Леонидович. – Говорят: уносите ноги, туман спускается быстро – во мгле потеряетесь. Потом посчитали нас – ещё больше пугать начали: вас девять, две группы по девять человек здесь погибли, уходите. Но не дрогнули – дошли.

Ещё одна запечатлённая достопримечательность и святыня для манси – знаменитые столбы, мансийские болваны – Маньпупунёр, это всего в двадцати километрах от перевала Дятлова. Указывает на

фото – самая высокая гора приполярного Урала Народная – уточняет: ударение не на привычное нам «о», а на первый слог. Потому что название это не имеет никакого отношения к «народу», оно произошло от мансийского названия реки Народа – с ударением на «а». Эту вершину «брали» дважды: в первый день не дошли – пришлось вернуться из-за сильнейшей пурги, о которой даже не подозревали в начале пути: под горой ярко светило солнце. На второй день решили взять местного проводника – еле уговорили одного манси посетить святыне потаённые места. Вышли

в пять часов утра, двигались на снегоходах, разгоняющихся до 80 километров в час, путь – 110 километров, но на него ушёл весь день – вернулись на базу только в десять вечера, сделав всего две коротких стоянки для перекуса и фото.

– Снег – сугробы глубиной пять метров: чуть в сторону – снегоход проваливается вместе с водителем, да пурга – в трёх метрах ничего не видно: если бы не манси, так и не дошли бы, – слова Александра Мастрюева отдаются эхом под сводчатым потолком фойе Дома дружбы народов. – Раньше, слушая рассказы о том, как погибали на-

крытые снежной лавиной люди, не мог понять: как так – не смогли вытащить? А очень просто: снег настолько глубокий и рыхлый, что моментально проваливаешься в сугроб буквально по шею. И ничего не можешь сделать – точки опоры нет, в воде хоть плыть можно, отталкиваясь от воды, а здесь – никак, висишь в сугробе, пока к тебе другие на выручку ползут. Потихоньку начинаешь раскачиваться и животом вылезать, чтобы принять горизонтальное положение и ползти – иначе никак. Пока идёшь – пересекаешь сразу несколько зон: внизу тайга, сосны, ели, с ветвей которых свисает густой мох – экология настолько хороша, ветров нет, и он, питаясь только влагой, покрывает лес, словно паутина. Выше – начинаются карликовые, стелющиеся деревья, а у самой вершины уже ничего – только мох и лишайник.

Обо всех своих путешествиях Александр Мастрюев рассказывает с придыханием и неизменно говорит: «Мне посчастливилось побывать» – в Карелии на Онеге, на Камчатке или Таймыре, в Якутии, Крыму или просто в Ейске, где внуки уговорили его переночевать в плохоньком хостеле со скрипящей мебелью родом из Советского Союза, зато с огромным тропическим тараканом в туалете, приведшим их в неопишываемый восторг. А в Крым Мастрюев путешествовал с сыном на мотоцикле, приехав на полуостров как раз в момент присоединения Крыма к России – смеётся: «Поздравить прибыли».

Очередной снимок почти весь усеян рыбой – на первый взгляд видно, что красная, что называется, царского вида. Автор выставки улыбается: не самый богатый улов.

– Это голец – вкуснейшая рыба весом до 10–12 килограммов, называется так, потому что у неё нет чешуи: бросаешь на камни – они к ней прилипают, – объясняет Александр Леонидович. – Ох, на реке Котуй, что на Таймыре, её – пруд пруди, потому что до больших городов далеко. Нам-то много надо – ну, пару рыбин, куда больше? Остальное отдаём вертолётчику, который вёз нас на Котуй: он складывает её в двухсотлитровые бочки, на вертолёте везёт в Хатангу и кормит ею весь город. Потому что люди там работать не хотят – вот так бывает.

Так же и в Якутии на охоте всю добычу отдавали местным проводникам – их было трое, каждый приставлен к паре магнитогорских охотников. Проводники были благодарны: и деньги заработали, и семья есть чем кормить всю зиму.

– Интересный народ, конечно, – с улыбкой вспоминает Александр Мастрюев. – Приехали в Якутск как-то в полярный день, температура днём-то до тридцати тепла, а к вечеру всего градусов семнадцать – а девчонки все в коротком и с голыми животами. Спрашиваю: холодно ведь, да и комаров море! Те в ответ: «А ты девять месяцев в году поноси шубу – и сам будешь каждый час тепло ловить. Пусть хоть съедят – лишь бы лето». Выглядят молодо – никогда не скажешь, кому сколько лет. Чистейше говорят по-русски, очень грамотно. Вот проводник наш – два высших образования, но до сих пор почитает духов природы. Садимся, бывало, после охоты – костерок, разумеется, по рюмочке нальём, так якуты первую стопочку всегда или в реку выльют, или в огонь выплеснут – надо Байаню дать, это их природный дух, покровитель охотников.

Продолжение следует.

Рита Давлетшина